

Полковник парагвайской армии, бывший офицер Александр Дмитриев-Экштейн.

И В ДАЛЕКОМ ПАРАГВАЕ СВОИ ЗАКОНЧИЛИ ПОХОД

Тяжелые, сочные плоды с глухим стуком падают на землю. Ветки мангового дерева на уровне балкона второго этажа белостенного дома по улице Калле, 22 застыли в полуденном зное самого начала парагвайского лета. Здесь меня принимает 93-летний Александр Дмитриев-Экштейн. Он — единственный доживший до наших дней русский офицер из сотен других участников последнего похода Юденича на Петроград, обретших в Парагвае свою вторую родину.

Выглядел мой собеседник болезненным и усталым. С большим трудом мне удалось уговорить его на эту встречу. Он жаловался на то, что недавно перенес воспаление легких и потерял почти 18 килограммов. Но, разговорившись, приободрился и не без гордости показал, каким он был в недавнем прошлом. На большом портрете, заключенном в деревянную рамку, Александр Дмитриев-Экштейн выглядит мужественно и намного моложе — в серой с позолоченными погонами форме полковника парагвайской армии. Этот мундир он снял в феврале 1989 года, когда был свергнут парагвайский диктатор Альфредо Стресснер и все высшие офицеры вооруженных сил страны подали в отставку.

Отцом Александра был известный русский полярник, участник первых походов ледокола «Ермак» Георгий Экштейн, расстрелянный большевиками после революции. А сам Александр служил подпоручиком в конно-егерском полку Северо-Западной армии Юденича. Несмотря на преклонный возраст, полковник прекрасно помнит своих бывших командиров — барона Грюнвальда, графа Беккендорфа, начальника штаба Таубе. Рассказал он и о кавалерийских атаках на позиции красных под Петроградом. Неудачи белого движения он связывает с «предательской позицией» англичан, которые «бросили белую армию на произвол судьбы».

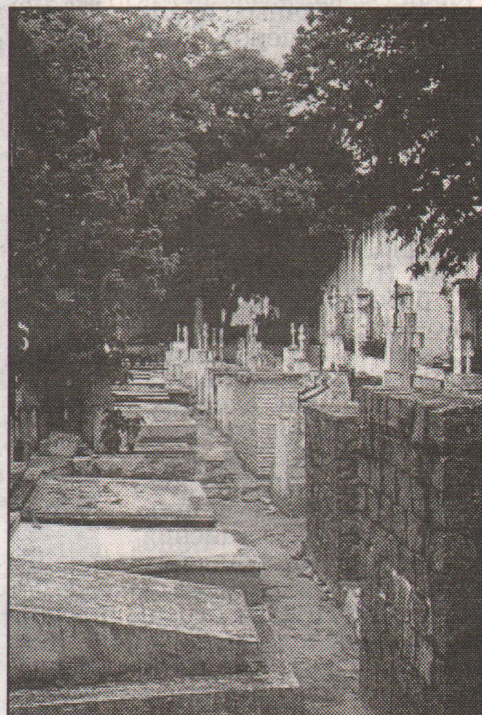
Как под Петроградом, так и в Сибири, во время успешных действий армии Колчака, Англия проводила в отношении нас свою традиционную «пиратскую политику», и

потому мы проиграли, говорит полковник.

— Хотя тогда мы не видели оборотной стороны медали, — добавил он, задумчиво глядя на пустынную улицу, где все живое спряталось от изнуряющей жары. — Многие офицеры покинули белое движение, устав от того, что Роман Гуль, автор известного романа «Ледовый поход», также вскоре оставивший Добровольческую армию, назвал «всероссийской колошматиной и человекоубоиной».

Как и многие участники белого движения, Александр Дмитриев-Экштейн оказался после Гражданской войны в Праге, где его однополчанин князь Волконский посоветовал ему эмигрировать в Парагвай. Там начали оседать многие русские офицеры. Полковник вначале перебрался в Монтевидео (Уругвай), а затем решил на пару недель съездить в Асунсьон, посмотреть на парагвайскую жизнь. Его двухнедельное путешествие затянулось на 70 лет.

Полковник тяжело поднимается с плетеного кресла, идет в соседнюю комнату и бережно выносит на вытянутых руках одну из самых дорогих для него наград — «Крест за победу в Чако», высший

На русском кладбище в Асунсьоне, расположенном на авениде Марискал Лопес, покоятся десятки русских офицеров, немало сделавших для процветания Парагвая.

орден в парагвайской армии. Я спрашиваю русского офицера, многие годы носившего парагвайскую форму, почему все-таки он, как и десятки его соотечественников, избрал Парагвай своей второй родиной. За время короткого пребывания в Асунсьоне я убедился в том, что, несмотря на долгие годы идеологической конфронтации между Советским Союзом и Парагваем, Россию в этой южноамериканской стране знают достаточно хорошо, и это заслуга русской общины, созданной прежде всего белогвардейской эмиграцией и играющей заметную роль в жизни страны.

— Почему Парагвай? — переспрашивает полковник, усаживаясь в кресло. (Падение очередного желтого плода.) — Причин здесь несколько. Одна легенда гласит, что эта страна была избрана белогвардейцами в силу того, что она, как и Россия, имеет красно-бело-голубой национальный флаг, только цвета в нем расположены в ином порядке. Есть и другое объяснение: русские офицеры были морально подавлены поражением белого движения, и им хотелось скрыться как можно дальше от России.

Но самое главное — это то, что

первым делом в Парагвай проложил хорошо известный в офицерских кругах Иван Тимофеевич Беляев, который хотел осуществить свою заветную мечту — создать в далекой от России стране «Русский очаг». Отвергнув упования эмигрантской верхушки на помощь Запада, Беляев выдвинул план обустройства вдали от своекорыстной Европы, в Южной Америке, духовного пристанища для изгнанников с родной земли, где обычаи, религия и вековая культура их родины могли бы сохраниться, «как в ковчеге», до «лучших времен». Выбор Парагвая на эту роль был подсказан Беляеву стечением ряда обстоятельств. Родившись 19 апреля 1875 года в Санкт-Петербурге, он уже в детские годы успел познакомиться с далекой страной. Произошло это на чердаке усадьбы, где в архивах прадеда по материнской линии — суворовского адъютанта Леонтия Федоровича Трефурта — рядом со старым уланским палашиком он нашел замечательную и очень подробную карту XVIII века, на которую была нанесена столица Парагвая — Асунсьон. Откуда взялась эта карта и как она попала в село Леонтьевское Гдовского уезда на Псковщине, так и осталось загадкой. Парагвай поразило детское воображение Беляева смелостью вызова, который эта страна бросила двум могущественным соседям — Аргентине и Бразилии в 1864—1870 годах. Народ стойко сражался с захватчиками, и трагические жертвы, которые он понес, на десятилетия задержали развитие страны.

Уже во время учебы в кадетском корпусе Беляев зачитывался «Всемирной историей» Реклю, путевыми очерками русского дипломата А.С.Ионина, объездившего в 80-е годы прошлого века весь Южноамериканский континент, историей путешествий и открытий. Юноша мечтал ни много ни мало о возрождении былого величия Парагвая. И ему удалось поспособствовать этому вместе с другими русскими офицерами.

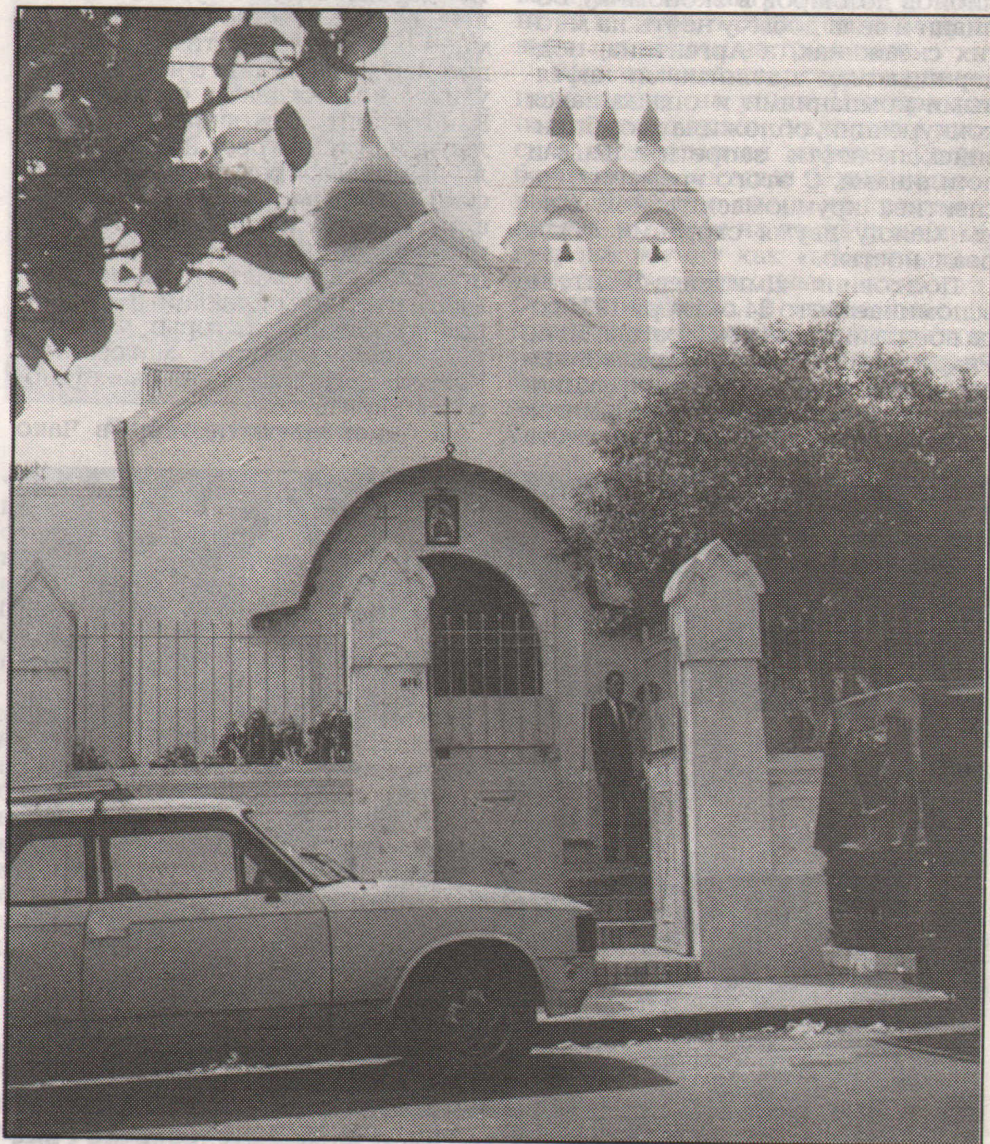
После Гражданской войны путь генерала Беляева пролегал через Крым, Константинополь, аргентинскую столицу Буэнос-Айрес. Он ступил на парагвайскую землю 8 марта 1924 года и сразу же получил пост преподавателя фортификации и французского языка в Военной академии Асунсьона. Но самое главное — он заручился устным согласием президента Республики Парагвай доктора Э.Айялы на создание в этой стране «русского культурного ядра». На первых порах ему было поручено организовать приезд в Парагвай 12 специалистов — инженеров, путейцев, конструкторов, геодезистов, — как было заявлено официально, для содействия экономике Парагвая. Каждому специ-

алисту гарантировалось жалование депутата национального парламента. Первая группа стала базой для последующей массовой русской иммиграции. Как правило, это были офицеры, получившие инженерные специальности уже после Гражданской войны. Беляев брал на себя ответственность за то, чтобы приглашенные имели диплом и соответствующую квалификацию, а также гарантировал, что ни один из них не служил в Красной Армии. Однако из разговора с парагвайским политическим и военным руководством генерал вскорее понял, что прежде чем приступить к созданию «Русского очага» в Парагвае, ему вместе с земляками придется защищать эту страну с оружием в руках. Хотя к тому времени на всех континентах сложилась относительно мирная обстановка...

Полковник вновь поднимается с кресла и возвращается на балкон с большим, старинной выделки альбомом. Бережно открывает его и показывает на первой странице портрет в полный рост молодого поручика конно-егерского полка

времен похода Юденича на Петроград. Это сам Александр, а дальше идут снимки парагвайского периода: сельва в Чако, тела убитых боливийцев, полковник с другими русскими офицерами бредет пешком, трясутся на мулах в пропотевшей тропической форме, в коротких шортах. Иногда их сопровождают индейцы гуарани...

Территориальный спор между Боливией и Парагваем из-за обширной (почти половина территории Франции) неисследованной области Чако Бореаль уходит истоками ко временам конкистадоров. В его основе лежало почти полное отсутствие данных о местности в 300 тысяч квадратных километров между реками Парагвай и Пилькомайо, лишенной, кроме всего прочего, каких-либо более или менее значительных географических рубежей, что крайне затрудняло делимитацию границ. В XIX веке парагвайская часть Чако все еще оставалась наименее исследованной областью Южноамериканского континента, так как с момента получения независимости и вплоть до 50-х годов прошлого века Рес-

Русская церковь в Асунсьоне.

публика Парагвай была закрыта для иностранцев. Кроме того, слухи о свирепости индейских племен, обитавших в Чако Бореаль, отпугивали исследователей, не рисковавших углубляться в неведомые земли. В 1879 году Боливия и Парагвай, опустошенный в результате войны 1864–1870 годов против «Тройственного союза» (Аргентина, Бразилия и Уругвай), предприняли попытку разграничения своих территорий в Чако Бореаль. Но поскольку отсутствовали картографические данные о местности, переговоры между двумя странами, длившиеся 34 года, завершились в 1913 году ничем — разграничить спорные территории так и не удалось.

Ситуация усугубилась тем, что в начале 20-х годов на боливийской территории в районе Камири, вплотную прилегающем к Чако Бореаль, была найдена нефть. Именно с этого момента начинается активное проникновение обеих сторон в ранее «забытую Богом» местность. К 1930 году американская компания «Стандард ойл» инвестировала уже свыше 54 миллионов долларов в экономику Боливии и вела добычу нефти на многих скважинах, а Аргентина, подерживаемая английскими нефтяными компаниями и опасавшаяся конкуренции, обложила ввоз боливийской нефти запретительными пошлинами. С этого времени перспективы крупномасштабной войны между двумя странами стала реальностью.

Полковник Дмитриев-Экшштейн вспоминает, что 24 октября 1924 года военный министр Парагвая Луис Риарт вызвал к себе генерала Беляева и дал ему четкие инструкции: разведать окрестности Байя-Негра и найти наиболее удобные места

Российские генералы Белой гвардии избрали Парагвай в силу того, что у него почти такой же национальный флаг

дислокации гарнизонов и создания будущих долговременных оборонительных сооружений, наблюдательных пунктов, коммуникаций, подготовить генеральную карту района. Интересы Парагвая в назревающем конфликте с Боливией принимались Беляевым и другими русскими офицерами как нечто личное и в силу трудно объяснимых причин переплетались в сознании с судьбой России. «Уже с самой первой минуты пребывания на парагвайской земле, — писал впоследствии Беляев, — ведя босоногого солдатика с винтовкой на развалинах героической Умайты, слушающая рассказы старушки, 14-летней девочкой спасшейся в лесу, среди дикарей, от иноземных солдат и вынесшей удивительный оптимизм, любовь к отечеству, которые так характеризуют туземное население, я почувствовал, что и во мне не умер патриотизм, что я не должен мириться ни с чем, пока не увижу возрождения ее родины». Как говорит полковник, в доме Беляева на стене крест-накрест висели два флага: трехцветный российский и трехцветный парагвайский, а над ними — казачья шашка и парагвайский мачете. В доме самого полковника тоже сохранилось немало русских реликвий и сувениров, коллекцию которых я пополнил современной матрешкой. Кстати, сегодня она снова становится раритетом.

В одной из экспедиций в Чако

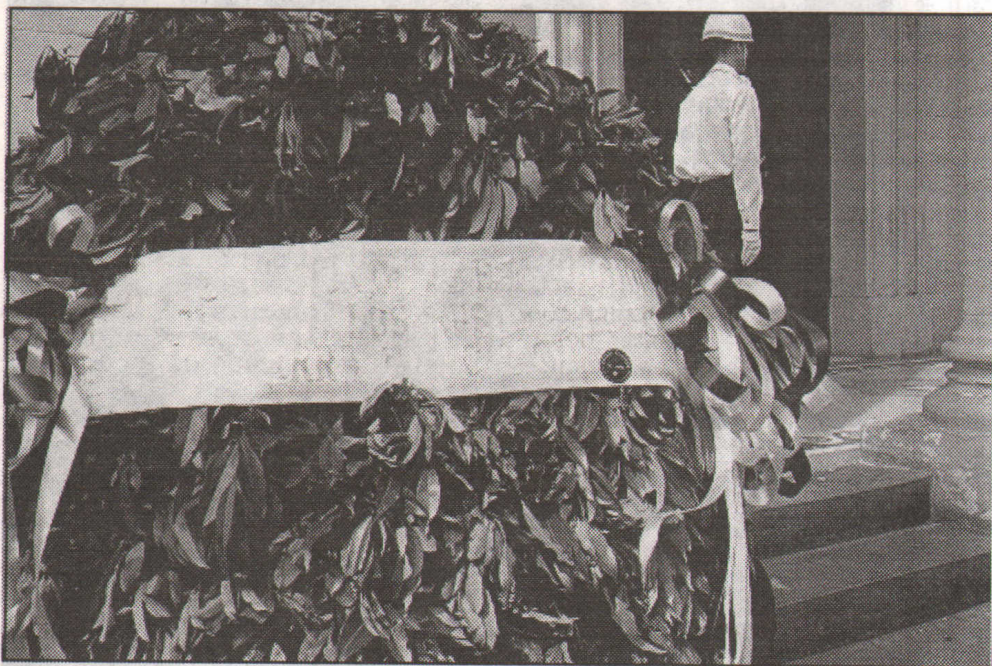

Рядом с могилой генерала Беляева полковник войск парагвайской армии Хохе (Юрий) Бутлеров, правнук известного русского ученого Ивана Бутлерова.

генерала сопровождал Александр Дмитриев-Экшштейн. «Мы пренебрегали опасностями, испытывали жажду и голод, но ухитрились нанести на карту обширнейшие участки доселе неведомой территории и войти в контакт с племенами индейцев, полностью оторванными от какой бы то ни было цивилизации», — говорит полковник. Во время этих экспедиций генерал Беляев смог осуществить свою давнюю мечту — изучить язык, быт, обычаи парагвайских индейцев. Он подружился со многими индейскими вождями, и они избрали русского генерала своим почетным касиком.

Война Парагвая с Боливией началась 10 мая 1932 года после захвата боливийцами форта Карлос Антонио Лопес.

— В этот же день, — вспоминает полковник, — мы, около шести десятков русских офицеров, пришли к начальнику генштаба парагвайской армии генералу Рохасу: «Зачисляйте нас в армию, мы хотим защищать нашу родину». Генерал в ответ улыбнулся и сказал, что он и не ожидал иного от русских офицеров, известных своим мужеством и доблестью. «Генерал Беляев, — добавил Рохас, — уже выполняет наши задания». Мы не сидели

Пантеон героев в центре Асунсьона, где висит бронзовая табличка с именами шести офицеров, отдавших свою жизнь за «вторую родину» в «Чакской войне».

в штабах, а участвовали в конных и пеших атаках, осуществляли разведывательные операции... Полковник достает из альбома приготовленный специально для меня список всех 56 российских офицеров, участвовавших в войне за Чако. «Отвезите его в Москву, может быть, им заинтересуется какой-либо российский военный музей», — сказал он. Потом с неожиданной задором подмигнул и добавил: «А здорово мы воевали на той войне. Мужества нам было не занимать. Не боялись ни пуль, ни гранат и умирали достойно, даже красиво».

До сих пор в Парагвае ходят легенды о есауле Казачьего донского войска Василии Федоровиче Орефьеве-Серебрякове. Он воевал вместе с парагвайским полковником Альфредо Стресснером, ставшим впоследствии диктатором страны. Рано утром 2 сентября 1932 года под Бокероном накануне одного из крупных сражений они оба вышли из палатки. Солнце только вставало над сельвой. «Какой будет сегодня чудесный день, не правда ли, полковник? В такой прекрасный день умирать хорошо», — сказал есаул. В этот день он был сражен боливийской пулей.

Армия Боливии почти в три раза превосходила парагвайскую. Равенство соблюдалось лишь в отношении артиллерийских орудий (122 у Боливии против 122 у Парагвая). Однако новые артиллерийские системы, закупленные Парагваем за рубежом незадолго до войны, таковыми в полном смысле этого слова назвать было нельзя. И генерал Беляев, исполнявший в 1932—1933 годах помимо функций советника обязанности инспектора парагвайской артиллерии, хорошо это знал. Оружие в целях экономии или по каким-то другим причинам было приобретено без механизированной тяги, не было средств связи и наблюдения. В ходе войны связь между батареями приходилось поддерживать с помощью конных посыльных. Во всем остальном дело обстояло еще хуже. Против 60 боевых самолетов Боливии Парагвай мог выставить только 17 устаревших моделей. В армии полностью отсутствовали танки и огнеметы, имевшиеся на вооружении боливийцев. Две речные канонерские лодки «Парагвай» и «Умайта» флота Парагвая так и не оказали существенного влияния на военные действия.

Соотношение между Боливией и Парагваем по количеству крупнокалиберных пулеметов составляло 5,7:1, автоматического стрелкового оружия — 2,3:1, винтовок — 4:1. Боливийцы намеревались пройти парадным маршем до самого Асунсьона, но победу одержала парагвайская армия — во многом благодаря помощи русских офицеров, говорит полковник.

Парагвайцы и русские оказались более «хитрыми, маневренными, способными хорошо ориентироваться в ночное время бойцами». Основной их тактикой стало окружение и оттеснение боливийцев от питьевой воды, что в условиях сельвы и жары грозило неминуемой смертью. Он показывает жесткий снимок в своем фронтовом альбоме: мертвый боливиец, рядом с которым валяется котелок без капли воды. «В одном из боев, — говорит старый солдат, — мы окружили дивизию в 10 тысяч человек и захватили расположенные рядом колодцы. Через несколько дней погибло от жажды 9 тысяч, а остальные сдались в плен».

Дмитриев-Экштейн служил в

На улице Асунсьона.

чине капитана в кавалерийском полку, не раз ходил в атаку и был отмечен высшей наградой парагвайской армии. Генерал Беляев в августе 1932 года лично возглавил большой отряд войск, который освободил захваченный боливийцами форт Карлос Антонио Лопес.

В отличие от чилийских и немецких наемников в боливийской армии русские офицеры сражались не за деньги, а во имя независимости своей второй родины. Среди них двое или трое были начальниками крупных штабов, один командовал дивизией, двенадцать — полками, а остальные батальонами, ротами, батареями. Полковник снова открывает свой неисчерпаемый альбом и бережно гладит рукой снимки боевых соратников, погибших на той войне или умерших впоследствии: «Вот мой друг капитан Касьянов, спокойный, выдержанный, мягкий в общении. А это капитан Салазкин, Бутлеров, тоже капитан, ставший впоследствии генералом парагвайской армии, внук

известного русского химика Ивана Бутлерова, обладавший великолепным чувством ориентации, ясным взглядом, хладнокровием в делах, вселявший уверенность в подчиненных. Рядом портреты Дедова, Чиркова, Ширкина и других. Многим из них были поставлены памятники на парагвайской земле. Именем есаула Серебрякова назван один из фортов. А когда умер генерал Беляев, в Асунсьоне был объявлен трехдневный траур».

Полковник любит сидеть вот так на своем балконе, в тени мангового дерева, и вспоминать прошлое. Дом на Малой Фонтанке в Петербурге, где он родился, Гражданскую войну и войну в Чако. Он получает полковничью пенсию от парагвайского правительства в размере 2 миллионов гуарани, или примерно тысячи долларов США. Иногда пикируется с женой Марией, парагвайкой, которая знает только два слова по-русски — «хорошо», повторить второе не берусь — оно ругательное. Он женился на Марии в 45 лет, когда ей было 18. И она постоянно укоряет его за то, что он посвятил единственную свою книгу о войне в Чако не ей и семье, а своим боевым друзьям, погибшим на той войне.

В нескольких кварталах от дома полковника, на улице Нуэстра сеньора де Асунсьон, находится русская православная церковь, Голубые купола, веселые белые наличники. Тяжелую дверь из красного дерева, которое на языке индейцев гуарани звучит как «ьвырапыгта», открывает церковный староста Сергей Коленко. В храме тихо и прохладно, совсем не чувствуется парагвайского лета. На стене справа от двери под иконой Николая Угодника укреплены шесть небольших мраморных плит, на которых выбиты имена шестерых русских офицеров, погибших на парагвайско-боливийской войне.

АСУНСЬОН

Александр ТРУШИН

Фото автора

